

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-3-132-147

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГИБРИДНЫХ ВАРИАНТОВ

Афони́на А. А.

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации инструментов и методов российской дипломатии в условиях эволюции системы международных отношений начала XXI века. Раскрыта сущность «гибридной дипломатии» и выявлены концептуальные основы ее формирования в рамках академического дискурса. На основе дескриптивного анализа редакций Концепции внешней политики РФ (1993–2023 гг.) выявлены ключевые векторы трансформации: интеграция цифровых технологий в дипломатические инструменты, адаптация экономической дипломатии к санкционному давлению, сочетание военно-политического сотрудничества с миротворческими инициативами. Установлено, что «гибридизация» методов дипломатии, включая синтез «мягкой» и «острой» силы, становится императивом для защиты национальных интересов в условиях усиления конфронтации с Западом. Показано, что «гибридизация» дипломатического инструментария Российской Федерации представляет собой сложный процесс, детерминированный необходимостью адаптации к актуальным вызовам современности. В этой связи выделяется множество структурных факторов, обуславливающих закономерный и естественный характер рассматриваемого процесса. Исследование позволяет сделать вывод, что данный феномен сочетает преемственность традиционных подходов с новейшими практиками, что соответствует общей логике трансформации современных международных отношений. Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшей адаптации дипломатического инструментария России к вызовам формирующегося миропорядка.

Ключевые слова: дипломатия, «гибридная дипломатия», гибридная война, внешняя политика, международные отношения.

Введение

Для современного российского политического дискурса характерным представляется вопрос о необходимости повышения эффективности инструментов и методов дипломатии и, что не менее важно, об их адаптации к актуальным вызовам эпохи трансформации системы международных отношений. В связи с этим значимым представляется выявление потенциала концептуально нового для отечественного исследовательского поля явления – «гибридной дипломатии» сквозь призму анализа современных тенденций традиционной дипломатии в контексте парирования внешних угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Объектом исследования является российская дипломатия в контексте эволюции системы международных отношений начала XXI века.

Предметом – трансформация инструментов, форм и методов дипломатии Российской Федерации под влиянием «гибридизации» внешнеполитических практик.

Цель статьи – осуществление анализа трансформирующихся методов и форм российской дипломатии, а также ее гибридных инструментов. Исследовательская **гипотеза** заключается в том, что «гибридизация» методов и форм традиционной российской дипломатии является естественным процессом, обусловленным существенным изменением параметров миропорядка, цифровизацией, глобализацией и, главным образом, усилением геополитического противостояния глобальных акторов мировой политики.

Методология исследования базируется на синтезе неореалистической, неолиберальной и конструктивистской парадигм международных отношений. Анализ предметной области осуществляется через призму системного подхода, устанавливающего взаимосвязь дипломатии с внутренней и внешней политикой государства с учетом конъюнктурных факторов международно-политической среды и действий ключевых акторов мировой политики. В этом отношении при помощи историко-логического метода были выявлены этапы эволюции методов и форм отечественной дипломатии. Применение методов дескриптивного анализа документов и дискурс-анализа способствовали интерпретации использованных материалов.

Так, на начальном этапе исследования были отобраны доктринальные документы, отражающие основные направления внешнеполитической стратегии в разные периоды новейшей истории России. Второй этап включал в себя кодировку определенных семантических ядер и маркировку ключевых направлений отечественной дипломатии. Третий этап подразумевал использование инструментария AntConc, а именно: частотный анализ, контекстное употребление терминов, выявление связанных слов. На четвертом этапе был выполнен критический анализ и сравнение содержаний Концепций от 1993, 2000, 2008, 2013, 2016 и 2023 гг. В результате были сформулированы выводы, соответствующие поставленной цели и демонстрирующие процесс трансформации традиционных и появления новых форм российской дипломатии.

Научная новизна работы характеризуется введением в отечественный общественно-политический дискурс концепта «гибридной дипломатии» как системного явления и формы адаптации к «войнам нового типа», где границы между военными, экономическими и информационными инструментами размываются.

Теоретическое измерение «гибридной дипломатии»: генезис и концептуальное оформление

Феномен «гибридной дипломатии» получил освещение в научном дискурсе благодаря исследованиям ряда ученых, анализировавших его структурные, функциональные и нормативные аспекты. К числу ключевых авторов, внесших вклад в разработку данной проблематики, относятся: А.В. Манойло [1], А.Е. Шагов [2], В.В. Каберник [3], К. Бьола [4], И. Мэйнон [4], К. Уокер [5], Дж. Людвиг [5], Б. Хокинг [6], Дж. Мелиссен [6] и др.

Термин «гибридная дипломатия» не имеет четко установленного авторства, однако анализ источников позволяет утверждать, что его концептуальные основы формировались в научной и экспертной среде с середины 2010-х гг. как ответ на эволюцию гибридных угроз и, главным образом, трансформацию военных конфликтов XXI века. Возникновение рассматриваемого феномена тесно связано с актуализацией концепции гибридных войн в сфере безопасности и обороны США, о чем свидетельствуют аналитические статьи, опубликованные NATO Review [7]. В редакции Стратегии национальной обороны США 2005 г. впервые упоминаются так называемые «нерегулярные вызовы» [8, с. 2] и «неконвенциональные методы» [там же] ведения военных действий, которые «станут ключевой проблемой в обозримом будущем» [там же, с.14].

В целом, данный тезис является справедливым с учетом имманентно гибридного характера современной политики и дипломатии. Исследователи Б. Хокинг и Дж. Мелиссен объяснили, что использование интегрированных ресурсов – экономических, политических, информационных – формирует условную шкалу «гибридности». Описанные ими процессы обусловлены природой политики [6], тенденцией усложнения архитектуры международных отношений и эрозией традиционных моделей ведения войны [3].

Предположительно, начало концептуализации «гибридной дипломатии» положили американские ученые К. Уокер, Дж. Людвиг, опубликовав в 2017 г. работу «От «мягкой силы» к «острой силе»: растущее авторитарное влияние в демократическом мире». В частности, на это указывает авторский тезис о том, что «понятийный аппарат, который использовался со времен окончания холодной войны, больше не подходит для описания происходящего» [5, с. 23]. В этой связи «гибридизация» дипломатических методов актуализирует необходимость ревизии концептуальных оснований применения «мягкой» и «острой» силы, эволюционировавших за последнее десятилетие в рамках парадигмы нелинейного международного взаимодействия. Отсюда исходит наиболее раннее определение «гибридной дипломатии» как комплекса инструментов «острой силы» и «мягкой силы» авторитарных государств, целью которого является «оказание влияния в СМИ, научных кругах, культуре и политическом сообществе, направленного на продвижение определенных политических идей» [там же, с. 17].

Позднее данное явление рассмотрели ученые Оксфордского университета К. Бьола и И. Мэйноу. Ученые интерпретировали феномен «гибридной дипломатии» как ответ на вызовы «цифрового» мира. Таким образом, «гибридная дипломатия» представляет собой синтез традиционных дипломатических практик и цифровых технологий, направленный на преодоление ограничений классической межгосударственной коммуникации [4]. В основе этого лежит понимание цифровой трансформации как закономерного этапа эволюции международной системы, где возрастает роль сети Интернет, негосударственных акторов, онлайн-платформ для коммуникации и обмена информацией, и вместе с тем, в духе либерального подхода, происходит переход от иерархических моделей к сетевым, что свидетельствует о постепенном переходе к децентрализации управления глобальными процессами.

Указанные авторы связывают истоки возникновения «гибридной дипломатии» с технологическим прорывом начала XXI века, при этом ее институционализация произошла в период пандемии COVID-19, когда вынужденный отказ от face-to-face встреч стал катализатором для массового внедрения цифровых форматов проведения встреч на высшем уровне [Там же].

Относительная новизна исследуемого феномена в общественно-политическом дискурсе предопределяет отсутствие терминологического консенсуса, но, при этом, отсутствие единого подхода отражает междисциплинарный характер объекта. Принимая во внимание то, что речь идет о нелинейном и неконвенциональном использовании элементов традиционной и публичной дипломатии, инструментов «мягкой» и «острой» силы для продвижения национальных интересов в условиях международной напряженности, наиболее соответствующим функциональным критериям можно считать следующее определение: «гибридная дипломатия» – это «гибридно-интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками» [2, с. 65].

Данное определение раскрывает сущность изучаемого явления, которая заключается в синтезе разнообразных дипломатических элементов и инструментов, направленных на достижение стратегической гибкости и внешнеполитических целей в условиях усиливающейся геополитической турбулентности. Это подразумевает интеграцию классических дипломатических практик с цифровыми технологиями, культурными, образовательными, спортивными инициативами, в некоторых случаях – технологиями «управляемого хаоса», рычагами давления в ходе переговорного процесса [1]. Как неоднократно отмечал С. В. Лавров, на Западе фактически перестали использовать методы традиционной дипломатии. Вместо этого главным, но отнюдь не легитимным инструментом западной дипломатии стали санкции. И в этом смысле санкционное давление оказывает колоссальное влияние на современную дипломатию Российской Федерации.

Ключевые аспекты трансформации дипломатии Российской Федерации

Распад СССР в 1991 г. стал отправной точкой для политической модернизации и пересмотра существующих дипломатических парадигм и институциональных структур. Российская Федерация, в известном смысле, унаследовала константы русской и советской дипломатии, но, вместе с тем, столкнулась с необходимостью создания новой внешнеполитической идеологии в условиях формирования новой модели международных отношений.

В 1990-е гг. акцент сместился на интеграцию в западнцентричные структуры (например, вступление Российской Федерации в Совет Европы в 1996 г.), что отражало либерально-атлантистский вектор внешней политики. Как отмечает президент Российского совета по международным делам и министр иностранных дел РФ с 1998 по 2004 гг. И. С. Иванов: «Период достаточно явного «прозападного крена» во внешней политике России носил, однако, непродолжительный и поверхностный характер» [9, с.15 , и к

началу 2000-х гг., на фоне расширения НАТО к границам России и «цветных революций» на постсоветском пространстве, началась корректировка курса в сторону «суверенной дипломатии», основанной на уважении норм и принципов международного права, самостоятельности, приверженности национальным интересам России и стремлении к многополярному миру [10].

Важным этапом в нормативно-институциональном становлении современной российской дипломатии представляется подписание распоряжения Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях» от 19 ноября 1992 г., а затем – утверждение документа «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» от 23 апреля 1993 г.

Первый документ позволил минимизировать риски, связанные с дезинтеграцией дипломатического аппарата в период системного кризиса, и установил механизмы координации между МИД и другими ведомствами [11]. В частности, была создана Коллегия МИД по вопросам внешней политики, ответственная за согласование позиций субъектов РФ и центра.

Второй документ систематизировал национальные интересы России в контексте формирующейся новой модели мироустройства [12]. Важным в этом отношении аспектом стала интеграция вопросов национальной безопасности в дипломатическую практику, что выразилось в усилении роли Совета Безопасности РФ в принятии внешнеполитических решений.

Таким образом, вышеупомянутые нормативные акты заложили основу для доктринальной преемственности российской дипломатии. Если распоряжение 1992 г. решало задачу институциональной стабилизации [11], то в «Основных положениях концепции...» были заданы некоторые важные параметры для будущей «идеологической рамки» российской внешней политики. Последующие редакции Концепции [12, 13, 14, 15, 16, 17] развивали данные установки, адаптируя их к новым вызовам и угрозам: от «цветных революций» до гибридных войн.

«Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» (документ утверждён распоряжением Президента РФ Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г.) стали первым дипломатическим документом, определившим стратегию страны на международной арене после распада СССР. Принятая в условиях глубоких внутренних трансформаций и глобальной перестройки миропорядка, она декларирует переход от конфронтации к сотрудничеству США, ЕС, НАТО, и необходимости выстраивать конструктивный диалог с бывшими союзными республиками как с независимыми государствами.

Для данного периода характерно преобладающее влияние либерально-атлантистских идей на российские элиты, что во многом определяло их внешнеполитическое мышление. В упоминаемом документе задача возрождения России как демократического, свободного государства аффилирована с положениями о приоритете сотрудничества с Западом как гарантом «вхождения в сообщество демократических государств, для обеспечения

безопасности в новых условиях». Напротив, в отношении новых независимых государств реализовалась политика «милостивого безразличия», связанная с исключительно декларативным подходом к решению задачи «формирования принципиально новых, равноправных и взаимовыгодных отношений России с участниками СНГ и другими государствами ближнего зарубежья» [12]. Это продемонстрировало США слабость российской позиции на постсоветском пространстве и сделало возможным распространение на нем (в частности, в странах Прибалтики) американского влияния с перспективой интеграции в западные институты в противовес СНГ, обновление стратегической концепции НАТО в 1997 г. и реализацию первого этапа расширения альянса на восток [18].

Содержание Концепции от 2000 г. отражает фундаментальные перемены в международно-политической обстановке и переосмысление доктринальных основ внешней политики России. Растущая взаимозависимость государств обусловила усиление роли международных институтов и механизмов в мировой экономике и политике. При этом главным центром регулирования международных отношений остается ООН (21 упоминание в тексте, релевантность – 2.15), как и в следующей редакции от 2008 г. сохраняется центральная и координирующая роль ООН (30 упоминаний в тексте, релевантность – 2.56), несмотря на появление новых структур – БРИК, ШОС, ЕврАзЭС – акцент сохраняется на безопасности и миротворческой деятельности под эгидой ООН.

В 2008 г. в оборот введен термин «парламентская дипломатия», и в нынешней Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. сохраняется положение: «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий проводят работу по законодательному обеспечению реализации внешнеполитического курса Российской Федерации и выполнения ее международных обязательств, а также способствуют выполнению задач парламентской дипломатии» [17, с. 40]. Одной из таких задач является укрепление межпарламентского диалога. Данная задача появляется в первой Концепции (примечательно, что в Концепции 1993 г. этот механизм сотрудничества был аффилирован с западноевропейским направлением) и реализуется в ходе непосредственного участия парламентариев в работе различных международных парламентских организаций, круглых столов, семинаров, парламентских обменах, дискуссиях. Как отмечает П. И. Пашковский, «совместная работа иногда способствует внесению в законодательство поправок, затрагивающих интересы российских компаний в целях развития экономического сотрудничества, подписанию соглашений между аппаратами верхних палат и отдельных комитетов» [19, с. 99].

Приоритетным направлением остается взаимодействие с парламентами стран СНГ в рамках Межпарламентской ассамблеи СНГ, однако география сотрудничества существенно расширилась. Российская парламентская дипломатия активно реализуется в таких структурах, как Парламентская ассамблея (далее: ПА) Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества. С другой стороны, прекращение участия Российской Федерации в работе ПА ОБСЕ и ПА Совета

Европы в ответ на антироссийскую политику наглядно демонстрирует эволюцию внешнеполитического курса России от интенсивного взаимодействия на европейском направлении к приоритетам восточного вектора и суверенному отстаиванию национальных интересов.

Очевидно, что на начальном этапе становления внешнеполитического курса РФ (1993-2008 гг.) классические методы дипломатии превалируют над методами публичной дипломатии, а упоминание семантических единиц, связанных с гибридными методами, вовсе отсутствует. Вместе с тем, анализ Концепции внешней политики РФ 2000 г. позволяет выявить предпосылки формирования гибридных методов как ответа на комплексные вызовы, которые впоследствии были осмыслены в рамках гибридных войн. В документе обозначены ключевые угрозы, требующие нелинейных стратегий противодействия: «Военно-политическое соперничество региональных держав, рост сепаратизма, этнонационального и религиозного экстремизма. Интеграционные процессы, в частности в Евро-Атлантическом регионе, имеют зачастую избирательно-ограничительный характер. Попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений создают угрозу произвольного вмешательства во внутренние дела <...> Угрозы, связанные с указанными тенденциями, усугубляются ограниченностью ресурсного обеспечения внешней политики Российской Федерации, что затрудняет успешное отстаивание ее внешнеэкономических интересов, сужает рамки ее информационного и культурного влияния за рубежом» [13, с. 2]. Упоминание «информационного влияния» и акцент на уязвимость суверенитета государства косвенно указывают на необходимость контроля над нарративами, которые играют ключевую роль в «гибридной дипломатии».

Ограниченность ресурсной базы внешней политики РФ на момент действия первой и второй редакций Концепции вынудило начать поиск более функциональных форм защиты внешнеполитических интересов. Это выразилось в последующей редакции Концепции от 2008 г., в которой (при сохраняющемся доминировании традиционной дипломатии) выросла релевантность дипломатии «мягкой силы» и на доктринальном уровне впервые был использован термин «сетевая дипломатия» [14], обеспечивающий гибкую связь государственных и негосударственных акторов для нейтрализации неконвенциональных угроз, вызванных глобализацией и расширением числа субъектов международной коммуникации.

Изменения в нарративе между 2008 и 2013 гг. связаны с комплексом внешнеполитических, внутривнутриполитических и идеологических факторов. Появляются тезисы о трансграничной природе новых вызовов и угроз, возникновении одностороннего санкционного давления и иных мер силового воздействия, постепенно усиливается акцент на защите соотечественников за рубежом и недопустимость двойных стандартов в международном праве [15]. Экзистенциальное значение приобретают альтернативные классической дипломатии методы и технологии: «мягкая сила» становится неотъемлемым инструментом решения внешнеполитических задач, и на доктринальном уровне частота употребления элементов данного инструментария возрастает практически в 3 раза.

В идеологическом отношении особый интерес представляет тезис о цивилизационном измерении глобальной конкуренции в системе «Запад-Незапад». Укрепление связей с незападными странами постепенно становится критически важным для построения альтернативных Западу структур. Ключевым моментом в данном вопросе, стоит полагать, стал провал «перезагрузки» российско-американских отношений. Вместе с тем, стал очевиден крен в сторону «евразийской интеграции», защиты собственных ценностей и своей уникальной русской цивилизации. Указанные тенденции обозначились в 2010-2011 гг. под влиянием международного финансово-экономического кризиса и обострения геополитической конкуренции.

Концепция 2013 г. существенным образом расширила сферы применения дипломатии, придав информационному обеспечению внешнеполитической деятельности статус стратегического приоритета [Там же]. Это обусловлено необходимостью системной трансляции позиций государства по ключевым вопросам международной повестки, разъяснения принципов в области внешней политики, а также демонстрации достижений в социально-экономической, научной и культурной сферах. Данный подход формирует инструментарий противодействия гибридным угрозам, исходящим от США и стран НАТО, в контексте глобальной конкуренции в мировом информационном пространстве. Именно с 2013 г. Российская Федерация на доктринальном уровне выразила твердое намерение инициировать создание международно-правовых и этических стандартов, обеспечивающих безопасное применение информационно-коммуникационных технологий (далее: ИКТ) и минимизацию рисков их деструктивного использования, что позиционируется как системный ответ на вызовы информационной эпохи.

К 2016 г. усиливается тенденция отказа от универсалистской риторики: сравнительный анализ демонстрирует смещение акцентов в сторону региональной повестки и многостороннего сотрудничества, что отражает кризис доверия к западным институтам и поиск альтернатив. Однако наиболее значимая трансформация происходит в области «гибридной дипломатии». К 2016 г. был выделен еще один домен для «войны нового типа» – киберпространство. Киберпреступность бросает вызов информационной безопасности, и в этой связи появляется потребность в интернет-управлении [16]. Однако институциональное развитие данного направления началось значительно раньше: ещё в 2001 г. в структуре МИД России был создан Департамент по вопросам новых вызовов и угроз. Это стало практическим ответом на инициативы, которые Россия начала продвигать на международной арене в 1998 г., выступая с резолюцией по международной информационной безопасности (далее: МИБ).

Формируется комплексный подход, интегрирующий киберпространство, информационную безопасность и цифровые инструменты. Появляются новые термины: «киберпреступность» (2 упоминания), «интернет-управление» (упоминание в п. 28), что свидетельствует о включении цифровой среды в сферу национальной безопасности РФ. Это означает, что на доктринальном уровне произошла трансформация характера внешней политики России в связи с растущим конфронтационным потенциалом в международных отношениях.

Последующие изменения в Концепции обусловлены геополитическими трансформациями, включая кризис на Украине, санкционное давление и обострение глобальной конкуренции. В Концепции 2023 г. впервые критикуется «подмена международного права правилами, навязанными Западом» и отмечен кризис ООН (которая ранее рассматривалась как ключевой институт), а в количественном отношении это выражается в снижении релевантности до показателя 1.9 – 25 упоминаний.

На современном этапе подчеркивается право на «симметричные и асимметричные меры» [17] в ответ на угрозы национальной безопасности и интересам России. В действующей редакции от 2023 г. впервые используется понятие «гибридная война нового типа» как производная антироссийской политики западных стран.

Потенциал обеспечения «гибридизации» инструментов и форм отечественной дипломатии

Концепция «гибридизации» дипломатии, подразумевающая под собой синтез классических и новейших инструментов, становится критически важной для обеспечения национальных интересов Российской Федерации. Для России, действующей в условиях геополитической конфронтации, данный подход представляется стратегическим императивом, который открывает возможности для усиления влияния через комбинацию «мягкой» и «острой» силы, цифровых инструментов и экономических инициатив.

Реализация подобной стратегии стимулирует проведение институциональных преобразований в структуре Министерства иностранных дел Российской Федерации. Так, в рамках адаптации к вызовам милитаризации информационно-коммуникационного пространства были проведены структурные реформы, направленные на повышение эффективности работы ведомства. В частности, в рамках Департамента информации и печати МИД РФ стал функционировать отдел цифровой дипломатии [20], а в 2019 г. был создан Департамент МИБ под руководством А. Р. Люкманова. Директор Департамента в одном из интервью отметил, что западные страны во главе с Вашингтоном продолжают наращивать наступательные ИКТ-потенциалы для проведения киберопераций против своих геополитических противников [21], т.е. России, Китая, Ирана и др., что отражает специфику гибридного противоборства.

Важным элементом российской стратегии является продвижение инициатив в области МИБ на многосторонних площадках. Среди них: Рабочая группа открытого состава (РГОС) и Спецкомитет по разработке универсальной конвенции по противодействию использованию ИКТ в преступных целях [Там же]. Кроме того, укреплению позиций России в условиях высокой конкуренции в глобальном информационном пространстве способствует использование диалоговых платформ (Восточный экономический форум, Петербургский международный экономический форум) для продвижения совместных проектов и противодействия антироссийскому нарративу.

Системный анализ современных тенденций в практике российской дипломатии выявляет ряд стратегических векторов «гибридизации» ее инструментария, что, в целом, коррелируется с общемировым трендом к «симбиозу» классических и нетрадиционных методов внешнеполитического взаимодействия. Первостепенное значение приобретает

процесс «умного» совмещения традиционных дипломатических механизмов с цифровыми технологиями, что находит выражение в укреплении позиций новых медиа в качестве площадки для продвижения тех или иных нарративов в глобальном информационном пространстве. Сегодня можно говорить о том, что любые изменения в технологическом ландшафте оказывают существенное влияние и на дипломатическую практику: с одной стороны, возрастают объемы трансгранично передаваемых данных, обеспечивая «широкое взаимообогащающее равноправное международное сотрудничество» [22, с. 4]; с другой стороны, возрастает международная конфликтность и конкуренция [Там же, с. 5].

Вторым ключевым аспектом выступает трансформация экономической дипломатии под воздействием санкционного давления. Как отмечают эксперты, переход к расчетам в национальных валютах в рамках ШОС и БРИКС, активизация транзитных проектов и диверсификация экспортных потоков энергоресурсов формируют институциональный ответ на попытки «погрузить» Россию в международно-экономическую изоляцию. С другой стороны, как отмечают российские ученые О. Ю. Болдырев и Л. Т. Чихладзе, экономический суверенитет государства «остался во многом незащищенным. В частности, не был использован зарубежный опыт конституционного установления лимитов внешних заимствований, не были установлены усложненные процедуры принятия тех международных обязательств, которые способны повлечь за собой ущемление экономического суверенитета государства» [23, с.122].

Третий вектор, в известном смысле, связан с диалектическим сочетанием военно-политического взаимодействия с миротворческими и гуманитарными инициативами. Нынешняя редакция Концепции внешней политики РФ, закрепляющая курс на формирование справедливого полицентричного мироустройства, отражает переход от «жесткой» биполярной дипломатии холодной войны к гибкой комбинации методов, включающих как «мягкую силу», так и воздействие в военном и технологическом отношении.

Таким образом, «гибридизация» дипломатического инструментария Российской Федерации представляет собой многовекторный процесс, обусловленный необходимостью адаптации к актуальным вызовам современности. Исследование позволяет сделать вывод, что данный феномен сочетает преемственность традиционных подходов с новейшими практиками, что соответствует трендам современных международных отношений.

Заключение

В результате проведения исследования были сделаны выводы, содействующие концептуальному осмыслению феномена «гибридной дипломатии» в рамках отечественного политологического дискурса как механизма адаптации в условиях трансформации современного миропорядка. «Гибридная дипломатия» – это нелинейная внешнеполитическая концепция, являющаяся ответом на вызовы и угрозы XXI века (гибридная война, русофобия, санкционное давление, доминирование в цифровом и информационном пространстве), в основе которой лежит интеграция традиционной дипломатической практики, новейших инструментов дипломатии, мер экономического воздействия и цифровых технологий.

Анализ теоретических основ исследования послужил фундаментом для систематизации концепта «гибридной дипломатии» как самостоятельного феномена, сформировавшегося на стыке традиционных и нетрадиционных практик в первом десятилетии XXI века. Автором предложена альтернативная западному подходу интерпретация, рассматривающая нелинейный процесс «гибридизации» в качестве стратегического ответа на новые вызовы современности.

Ключевые направления «гибридной дипломатии» Российской Федерации можно структурировать следующим образом: 1) экономическое направление в условиях санкционного давления, выраженное в тенденции к дедолларизации, эффективном импортозамещении и поиске альтернативных экономических институтов; 2) информационное направление, сочетающее универсальные общемировые тенденции использования цифрового инструментария акторами международных отношений с уникальными мерами продвижения инициатив в области МИБ на многосторонних площадках с целью законодательного ограничения деструктивных действий в киберпространстве; 3) диалектика силового и миротворческого инструментария как наиболее уникальная черта российской дипломатии, заключающаяся в комплексном применении инструментов «жёсткой силы» и «мягкой силы».

Анализ эмпирической базы исследования, которую составили доктринальные документы – редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, – отражающие приоритетные направления внешнеполитической деятельности государства, выявил качественную эволюцию форм, методов и инструментов отечественной дипломатии. В ранних редакциях доминировала ориентация на универсальные координирующие институты (в частности, ООН) и проевропейскую повестку, но в период 2016-2023 г. явным становится кризис глобального управления при главенствующей роли ООН. Более того, к 2023 г. акцент сместился от сотрудничества к конфронтационной и оборонительной риторике. Структурные реформы МИД стали институциональным воплощением происходящих трансформаций. Особую значимость имеет выявленный тренд на регионализацию внешней политики. В этом отношении отмечается переход к укреплению связей с государствами «незападного мира» в рамках БРИКС, ШОС и др., что отражает понимание реалий формирования альтернативных центров силы в условиях кризиса доверия к западным институтам.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании «гибридизации» как стратегического императива для защиты национальных интересов России в условиях международно-политической турбулентности. Представляется, что оценка эффективности стратегии на данный момент неоднозначна, поскольку результативность в значительной степени ограничена ресурсной зависимостью, отставанием в технологической сфере и противодействием со стороны западных стран, также использующих «гибридный» инструментарий.

Список литературы

1. Манойло А. В. Нормандский формат гибридной дипломатии Европейского Союза // Политика и общество. 2015. № 9. С. 1122–1127.
2. Шагов А. Е. История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022.
3. Каберник В. В. От гибридных операций к гибридной дипломатии // РСМД. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/> (дата обращения 01.03.2025).
4. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. Vol. 98. Iss 2, 2022, pp. 471–491.
5. Walker Ch., Ludwig J. The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence // Foreign Affairs. 2017. November 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения 01.03.2025).
6. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age. Netherlands Institute of International Relations Clingendae, 2015.
7. Hybrid warfare: new threats, complexity, and ‘trust as the antidote’ // NATO Review. 2021. November 30. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (дата обращения 01.03.2025).
8. The National Defense Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2005.
9. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
10. Захарова М. В. Российская дипломатия видит сегодня свою миссию в поддержании глобального баланса интересов // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 4-9.
11. Распоряжение Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой политической линии Российской Федерации в международных сношениях» от 08.11.1992 № 663-РП // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=224284#00b8LeU4GXVRiqUO1> (дата обращения 01.03.2025).
12. Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 года // Внешняя политика и безопасность современной России (1991-1998). Т. 2. Документы. М.: МОНФ, 1999.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 июня 2000 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 01.03.2025).
14. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 01.03.2025).

15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 01.03.2025).
16. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 01.03.2025).
17. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения 01.03.2025).
18. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991-2011 гг.). К.: ООО «НПП «Интерсервис», 2012.
19. Пашковский П.И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №2. С. 94-106.
20. Талайковская Я.В. Приоритетные направления деятельности Консульской службы МИД России в современный период. Внедрение информационных технологий в консульскую работу // Вопросы российского и международного права. 2023. Т.13. № 12. С. 411-418.
21. Интервью специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директора Департамента международной информационной безопасности МИД России А.Р. Люкманова // МИА «Россия сегодня». 25.05.2024 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1952790/ (дата обращения 01.03.2025).
22. Зиновьева Е.С. Кибер-дипломатия в условиях обострения конкуренции между великими державами // Обзор международных отношений МГИМО. 2022. С. 1–21.
23. Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т. Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты // Антиномии. 2022. №4 (22). С. 110–127.

Сведения об авторе

Афони́на Алекса́ндра А́ртуровна – студент направления подготовки 41.03.04 «Политология» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: Afonina0603@mail.ru

Afonina A. A.

THE MODERN TRANSFORMATION OF TRADITIONAL FORMS OF RUSSIAN DIPLOMACY AND THE PROSPECTS FOR THE HYBRID OPTIONS

Abstract: *The article is devoted to the study of the transformation of the instruments and methods of Russian diplomacy in the context of the evolution of the system of international relations at the beginning of the 21st century. The essence of “hybrid diplomacy” is revealed and the conceptual foundations of its formation within the framework of academic discourse are revealed. Based on the content analysis of the editions of the Russian Federation’s Foreign Policy Concept (1993-2023), key transformation vectors have been identified: the integration of digital technologies into diplomatic instruments, the adaptation of economic diplomacy to sanctions pressure, and the combination of military-political cooperation with peacekeeping initiatives. It has been established that the hybridization of diplomatic methods, including the synthesis of “soft” and “sharp” force, is becoming an imperative to protect national interests in the context of increased confrontation with the West. It is shown that the hybridization of the diplomatic tools of the Russian Federation is a multi-vector process determined by the need to adapt to the current challenges of our time.*

Keywords: *diplomacy, “hybrid diplomacy”, hybrid warfare, foreign policy, international relations.*

References

1. Manojlo A. V. Normandskij format gibridnoj diplomatii Evropejskogo Sojuza [The Norman format of hybrid diplomacy of the European Union] // *Politika i obshchestvo*. 2015. № 9. P. 1122–1127.
2. Shagov A. E. Istorija proishozhdenija i jevoljucija koncepcii i metodov vedenija gibridnoj vojny [The history of the origin and evolution of the concept and methods of conducting hybrid warfare]. Moscow: Mir nauki, 2022.
3. Kabernik V. V. Ot gibridnyh operacij k gibridnoj diplomatii [From hybrid operations to hybrid diplomacy] // *RSMD*. 2017. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/> (accessed 1 March 2025).
4. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption [The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption] // *International Affairs*. Vol. 98. Iss. 2, 2022, pp. 471–491.
5. Walker Ch., Ludwig J. The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence // *Foreign Affairs*. 2017. November 16. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed 1 March 2025).
6. Hocking B., Melissen J. *Diplomacy in the Digital Age*. Netherlands Institute of International Relations Clingendae, 2015.
7. Hybrid warfare: new threats, complexity, and ‘trust as the antidote’ // *NATO Review*. 2021. November 30. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid->

[warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html](#) (accessed 1 March 2025).

8. The National Defense Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2005.

9. Ivanov I.S. Novaja rossijskaja diplomatija. Desjat' let vneshnej politiki strany [New Russian Diplomacy. Ten years of the country's foreign policy]. Moscow: OLMA-Press, 2001.

10. Zaharova M. V. Rossijskaja diplomatija vidit segodnja svoju missiju v podderzhanii global'nogo balansa interesov [Russian diplomacy sees its mission today in maintaining a global balance of interests] // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2024. № 2. P. 4-9.

11. Rasporjazhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob obespechenii edinoj politicheskoj linii Rossijskoj Federacii v mezhdunarodnyh snoshenijah» ot 08.11.1992 № 663-RP // SPS Konsul'tantPljus. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EX-P&n=224284#00b8LeU4GXVRiqUO1> (accessed 1 March 2025).

12. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii 1993 goda // *Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii (1991-1998)*. T. 2. Dokumenty. Moscow: MONF, 1999.

13. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V. V. Putiny 28 ijunja 2000 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 1 March 2025).

14. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii D.A. Medvedevym 12 ijulja 2008 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 1 March 2025).

15. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 12 fevralja 2013 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 1 March 2025).

16. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 nojabrja 2016 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 1 March 2025).

17. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 31 marta 2023 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 1 March 2025).

18. Pashkovskij P.I. Integracionnaja politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991-2011 gg.) [Integration policy of Russia in the post-Soviet space (1991-2011)]. Kiev: ООО «NPP «Interservis», 2012.

19. Pashkovskij P.I. Parlamentskie instituty vo vneshnepoliticheskom mehanizme Rossijskoj Federacii: problemy i protivorechija v realizacii polnomochij [Parliamentary institutions in the foreign policy mechanism of the Russian Federation: problems and contradictions in the exercise of powers] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*. 2018. №2. S. 94-106.

20. Talajkovskaja Ja.V. Prioritetnye napravlenija dejatel'nosti Konsul'skoj sluzhby MID

Rossii v sovremennyj period. Vnedrenie informacionnyh tehnologij v konsul'skuju rabotu [Priority areas of activity of the Consular Service of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in the modern period. Introduction of information technologies in consular work] // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. Vol.13. Iss.12, 2023, pp. 411-418.

21. Interv'ju special'nogo predstavitelja Prezidenta Rossijskoj Federacii po voprosam mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti informacionnoj bezopasnosti, direktora Departamenta mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti MID Rossii A.R.Ljukmanova // MIA «Rossija segodnja». 25.05.2024. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1952790/ (accessed 1 March 2025).

22. Zinov'eva E.S. Kiber-diplomatija v uslovijah obostrenija konkurencii mezhdu velikimi derzhavami [Cyber diplomacy in the context of increased competition between the great powers] // Obzor mezhdunarodnyh otnoshenij MGIMO. 2022. P. 1-21.

23. Boldyrev O.Ju., Chihladze L.T. Jekonomicheskij suverenitet gosudarstva: cennost', vyzovy, pravovye mehanizmy zashhity [Economic sovereignty of the state: value, challenges, legal protection mechanisms] // Antinomii. Vol. 22. Iss. 4, 2022, pp. 110–127.

Afonina Alexandra Arturovna – student of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: Afonina0603@mail.ru